

10 ноября 1898 г.

Р. Изгой

Наши художественные дела. II.

С.-Петербург, 10 Ноября 1898 г.

В прошлом письме, между прочим, приходилось говорить о художественных мастерских; по этому поводу нельзя не упомянуть одно недавнее постановление Дамского художественного кружка. Комитет этого кружка постановил нанять мастерские, находящиеся на углу Невского и Б. Морской, в верхнем этаже дома № 16. В этих мастерских будут работать с натуры члены Дамского кружка за плату 3 рубля в месяц. Кроме того, за плату 5 руб. в месяц в мастерские, по рекомендации членов кружка, будут допускаться и посторонние лица. Мастерские будут вмещать до 40 чел., если принять во внимание указанный уже чувствительный недостаток в светлых помещениях, то такой инициативе нельзя не порадоваться и не удивляться, почему нечто подобное, даже, может быть, в более широком масштабе, не практикуется ещё несколькими обществами и кружками. Что не доступно одному, то легко достижимо целой группой. Конечно, такие помещения должны быть приспособлены не только для совместного штудирования натуры, но также и для компоновки картин; иначе говоря, необходимо приспособить несколько отдельных камер, - ведь немного найдётся самоуверенных смельчаков, которые решатся прогуливаться при посторонних глазах в художественном неглиже.

Побольше бы всяких таких полезных начинаний, притом устроенных обстоятельно... Иной раз и средства есть, да, по-видимому, и желание, и стремления, если и не лишённые известного честолюбия, то всё же, несомненно, похвальные, а всё-таки выходит как-то куцо, с большими прорехами. Так, напр., известное художественно-педагогическое начинание одного меценатствующего лица имеет шансы на елико возможное процветание и благоденствие, без повода к каким бы то ни было жалобам, а между тем послушайте: "Из расположенной близко кухни в мастерскую забирается чад, на сравнительно небольшом пространстве скучено до 45-50 человек, духота, жара до 19°, так что и натурщикам, и работающим часто дурно становится; от печей угарно; жара способствует частым простудным заболеваниями".

Обидно слушать такие жалобы; частная добродетельная инициатива, поставив хорошее дело, не должна бросать его на произвол. Всевозможные мелкие задоринки и недочёты, невеликие сами по себе, капля за каплей наполняют чашу, которая может залить хорошее и доброе. А ведь всё так легко поправимо при наличности истинной любви к делу.

Если много жалуются художники на мастерские, то часто почти не меньшие жалобы приходится слышать по адресу натуры.

В таких случаях говорится:

"Какую огромную роль играет натурщик, помогающий художнику реально воплотить созданный тип. Как бы ясно ни представила художественная фантазия намеченную фигуру, всё же приходится подыскивать хотя бы приблизительно натурального натурщика.

Хорошо, если среди интеллигентных знакомых найдутся подходящие люди, которые согласятся подвергнуться этой пытке, потому что позировать дело вовсе не такое лёгкое, особенно же интеллигенту, сиречь человеку нервному.

Но когда случайно таких знакомых не находится, когда усики a la chat fou, или уродливые причёски и безобразные окорока рукавов не позволяют даже

помыслить о чём-либо подобном, и, например, для исторической картины потребуется обратиться к низшим классам или к профессиональным натурщикам, - тут начинается терзание несносное.

Позовёте мужичка, заранее радуется: "Этакая богатая фигура, как раз подойдёт". Примут ваше предложение неодинаково: один смыслённый, пообтёршийся питерец согласится с удовольствием; другой отнесётся подозрительно, а третий, например, не позволит свою "личность снимать".

Вместе с племенными пассажирами и запахом прокислой овчины, вводите мужика в мастерскую:

- Стань-ка, дядя, вот так, словно бы стоишь и задумался о чём-то, будто хлеб, что ли, вымерз или, там, что другое; вообще, будто думаешь. Стань прощ, будто никто тебя не видит, как дома.

Мужичок начинает стараться, тужится, пыжится; старается до того, что рука, держащая палку, дрожит вся, будто утопающий хватается за неё. Ноги раскорячиваются, носки свёртываются внутрь, словом, - поза получается такая, что не только при ходьбе, но даже и без движения никто больше минуты выдержать не может.

Мысленно сравниваете эту жалкую фигуру с типом, созданным вами, и делается вам и больно и смешно. Настроение испорчено, отчётливо рисовавшееся было движение затуманилось, сбилось...

Обращаетесь теперь к профессиональному натурщику - тот живо поймет вас, даст и горе, и мечтательность, и гнев, но поза будет банальная, заученная".

Что же выходит? - Оказывается: специальные натурщики нехороши, натурщики из посторонней публики - часто также находка. Кажется, все рассуждения по этому поводу всё-таки будут носить платонический характер, да, в сущности, они и должны такими оставаться, если представить себе, как должен пользоваться натурой художник, если вспомнить, что художник берёт эссенцию натуры, - попросту говоря, художник должен понять натуру, а не попугайничать ею.

Белинский говорил, что искусство - это есть воспроизведение действительности во всей её истине и в её типических формах. Кстати, такое определение было бы очень хорошо, если бы только не неподдающаяся объяснению истина, - ибо, что есть истина?

"Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя - шапка свалится".

Вторая же часть определения: " и в её типических формах" - понятнее и много легче объяснима. Именно типичности следует добиваться художнику (вспомните вывод Тэна о характерности изображённого), именно типичность возвеличивает художественное произведение и делает его понятным большому числу зрителей. Художник, опутанный по рукам и ногам натурой, не толкующий её, а бегущий под нею послушным, бессловесным конём, не совсем ещё ушёл от рабского копирования и выслеживанья quasi-развевающих драпировок, по месяцам висящих на пропыленном манекене в глупой, безжизненной позе. Тут ведь тоже было своего рода искание натуры!

Всякая складочка, всякий случайный собеседник, всякий прохожий, каждое сокращение мускулов, - всё это натура для художника, материал для его будущих затей; материал сырой, которому через много вальков и зубчатых колёс надо пройти в мозговых извилинах прежде, нежели он облечётся в типичную форму и пригодится на дело.

Вся педантичная пропедевтика, излишнее искание каких-то особых натурщиков, без которых творчество якобы бессильно, всё это часто помогает произведению столько же, как и украшению мастерской пошлыми макартовскими букетами, нелепыми плюшевыми драпировками и прочими подобными

снадобьями, которые считаются непременными атрибутами порядочной художественной студии.

Мало помогают художественному здоровью все подобные лекарства и инструменты, мало толку от них выходит там, где нет художественной памяти, фантазии, замысла, т.е. "внутреннего". Где же налицо качества, там пригодится всякая чёрточка, там

"... как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступают вдруг пред тобою картины.

Выйдут из мрака всё ярче цвета, осязательней формы,

.....

Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,

И, созидавая потом, мимолётное помни виденье!"

Может быть, спросят: не пострадает ли при таком отношении к делу реализм произведения? Конечно, не пострадает; да и как понимать реализм? В своём новом выпуске "Листки из записной книжки художника" (там - интересные замечания об образовании художников, о ремесле и искусстве, о Мейсонье, об Индии и многом другом) В.В. Верещагин, между прочим, говорит: "Реализм картины, статуи, повести, музыкальной пьесы составляет не то, что в них реально изображено, а то, что просто, ясно, понятно вводит нас в известный момент интимной или общественной жизни, известное событие, известную местность. Есть немало художественных произведений, исполнение которых реалистично, но самые эти произведения, в целом, не могут быть причислены к школе реализма".

Хотя вопросы о натуре - вообще свойства академического, но есть в них и чисто реально-жизненные стороны. Приметно: неминуемо столкнётесь с вопросами этики, поинтересовавшись натурщицами, о которых такая многотомная литература и о которых так любят говорить с художниками в обществе, в ожидании услышать нечто пикантное. Как поэтично выглядит занятие натурщицы на бумаге, и в каком другом свете является оно в жизни.

Приглядываясь к этому сословию, нередко сталкиваетесь с такими омерзительными фактами, что противно становится. Какое тяжёлое ремесло! какая должна быть готовность к возможным оскорблениям, умышленным и даже неумышленным! Представьте только себя на их месте: хорошо ещё, если можно предположить отношение Клода (L'oevre, Zola), а если какое-нибудь иное? невольно воскликнете: "Ведь живые!"

К прискорбию, надо отдать справедливость, - не всегда гг. художники стараются облагородить этот, иной раз действительно щекотливый, вопрос.

Со словами о натурщицах неразрывно связан вопрос о письме женского обнажённого тела. Оставляя в стороне возможные соображения более или менее пошлого свойства, нельзя не напомнить интересные замечания по этому поводу, сделанные г-жею Манассеиной в её "Кое-что об искусстве", при обзоре художественных иностранных выставок 1895 г.: "... фигуры обнажённых или полубнажённых женщин применяются живописцами в обилии в настоящее время и притом, насколько я могла заметить, по преимуществу в тех случаях, когда у художника нет готового зрительного образа для изображения желаемой идеи, желаемого момента. Так, напр., живописец желает изобразить "мечтательность", и вот он наполняет картину свою голым женским телом". (Стр. 85).

"... Если бы какому-нибудь будущему историку пришлось только по картинам современных художников судить о наших обычаях, то он положительно вынес бы убеждение, что европейские женщины конца 19-го столетия половину жизни, по крайней мере, проводят без всякого одеяния". (Стр. 87.)

"...В своём перечне картин, изображающих обнажённых женщин, я приводила только те из них, в которых художники написали голых женщин, или

безо всякой нужды, ... или задалась целью представить то или иное отвлечённое, не имеющее зрительного образа, понятие. Если к этому ещё прибавить всевозможные этюды голого тела, всевозможные... изображения нимф, русалок, дриад... и т.д., то количество картин, изображающих всевозможного рода телеса, окажется поистине подавляющим. Авторы, писавшие по эстетике, уже указывали неоднократно на нежелательность слишком частого употребления голого тела в живописи". (Стр. 88.)

Боюсь распространяться по таким "старым" вопросам.

" Как несносно, вы опять про Кавказ! Опять старое! Все уж ведь хорошо знают, что там грабят, ну и кончено. Нет ли чего поновее?" - укоряла одна дама, когда разговор зашёл о непрерывных кавказских разбоях.

Просто руки опускаются, если подумаешь, сколько художественных вопросов карабкается наружу, болит и просит пломбы. Придвигается выставочное время, вместе с ним приближаются вопросы об устройстве выставок, о входной плате, об основаниях оценки художественных произведений, что особенно важно при теперешних разнообразных, даже прямо противоположных взглядах и требованиях, предъявляемых искусству. Про одну и ту же вещь часто высказывается самими художниками совершенно непримиримое, - какие же суждения положить в основу? Хотя это вопрос тоже принципиальный, но в выставочном сезоне, при выборе приёмных комитетов и жюри, он получает практическое применение, очень важное для развития современного искусства.

Кроме принципиальных вопросов, сколько болеет дел практических и технических: быстрая изменчивость новейших красок, всякие усовершенствования материала, - про всё это нельзя сказать: "Над нами не каплет". Знакомство с подобными сторонами художественного дела, без сомнения, будет интересно и поучительно не только художникам, но и всем интересующимся искусством.

Всё это стоит на очереди; обо всём этом надо подумать.

В нашем журнале упоминалось уже о необходимости чтений по искусству и всему, до него относящемуся.

В воскресенье, 1-го ноября, г. Боборыкин прочёл лекцию в конференц-зале Академии художеств об Орвието и Сиене. Каюсь, я не был на чтении; по отзывам же составить о ней хоть какое-либо понятие нельзя, так как отзывы слишком разноречивы.

К новым начинаниям можно было бы отнести и вновь возникший художественный журнал "Мир искусства". Но о нём нельзя куда сказать ничего определённого, ввиду его чересчур специфического характера.

В настоящее время в Петербурге находится французский художник П. Гроллен, которому поручено, для предстоящей Всемирной выставки, написать панорамы Петербурга и Москвы. Картины эти пойдут в общий панорамный отдел всех столичных городов. Вместе с г. Гролленом в Россию прибыл художник Дюбуа, который с такой же целью посетит Тегеран и Пекин.

О распределении русских картин на Всемирной выставке слышал я следующее: всего русский отдел будет вмещать 300 картин, из которых 100 картин придётся на долю московской галереи Третьяковых, 50 картин - будет из собраний Петербурга и 150 - совсем новых.

Из невеликого числа 300, конечно, трудно выкроить более целесообразное распределение, но, во всяком случае, если представить, какая доля новых картин должна принадлежать корифеям нашей живописи, - невольно является сомнение: не слишком ли мало места останется для молодых сил? При столь предположенном малом общем числе картин, остаётся только надежда на комиссию Академии художеств - на её строгий и праведный суд.

Говорили о предстоящей выставке blanc et noir (в залах Академии художеств), но, кажется, она осуществится ещё не так скоро.

Сумрачно отнеслась погода к академическому конкурсу, гармонируя с его содержанием. Какие выставки могут быть при такой туманной мозглявой слякоти? Отчасти поможет делу электричество, но только - отчасти: свет его слишком обманчив, и потом, работая серьезную вещь, разве можно иметь в виду искусственные освещения? В такие минуты мысль бывает чересчур далека от подобных соображений.

Из отчёта деятельности Императорской Академии художеств, прочитанного на акте, можно указать следующее.

"В Высшем художественном училище к 4 ноября с.г. состояло учащихся 336 человек; из них: учеников 245, учениц 28, вольнослушающих 56 и вольнослушательниц 7. Из этого общего числа учащихся находилось: на отделении живописи и скульптуры 205 и на отделении архитектуры 131. Из 205 учащихся отделения живописи и скульптуры, 84 чел. находилось в натурном классе и 121 - в мастерских руководителей: в мастерской проф. В. Беклемишева 7, в мастерской проф. В. Маковского - 22, в мастерской проф. В. Матэ - 7, в мастерской проф. И. Репина - 50. Ученики по архитектуре разделялись так: в общих классах 91, в мастерских 40; у проф. Л. Бенуа - 15, у проф. А. Померанцева - 12 и у проф. А. Томишко - 13.

Получили звание в отчётном году: из мастерской проф. А. Киселёва - В. Зарубин, П. Краузе, Д. Педенко; из мастерской пр. В. Маковского - И. Казаков, В. Китаев, В. Позднеев, И. Рыбаков; из мастерской пр. П. Ковалевского - Е. Зарин; из мастерской пр. И. Репина - И. Воронов, Н. Гумалик, А. Кобыличный, П. Коренев, Д. Попов, В. Поярков, А. Раевский, Н. Розанов; из мастерской пр. В. Матэ - К. Быковский, И. Дмитриев, А. Комарова, А. Шварцман; из мастерской пр. В. Беклемишева - Л. Шервуд. По архитектуре: из мастерской проф. Л. Бенуа - В. Погонкин, В. Покровский, А. Элкин; из мастерской пр. А. Померанцева - А. Галецкий, В. Лопатин, П. Пермьяков; из мастерской пр. А. Томишко - И. Воронцов, А. Гавеман, В. Франкевич.

Содействие Императорской Академии художеств областным рисовальным школам выразилось в следующем: Академией в текущем году обсуждался проект преобразования учебной части в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. "Предположено отменить ныне существующий порядок совместного прохождения курсов, установив правило, по которому переход на художественное отделение допускался бы лишь после успешного окончания общеобразовательного курса, со включением программы начального класса живописного отделения, распределённого на всё время прохождения общеобразовательного курса". Продолжительность общеобразовательного курса для поступающих на живописное и скульптурное отделения определена в 4 года, а для поступающих на архитектурное в 5 лет. Число лет прохождения художественного курса не определено.

В Школе Императорского Общества поощрения художеств, с субсидией от Академии, устроены 3 добавочных рисовальных класса, чтобы учащиеся в Школе, желающие поступить в Высшее художественное училище, имели возможность основательно подготовиться в рисовании.

Казанская художественная школа была Высочайше утверждена 26 марта с.г. Новым положением ей предоставлены права и преимущества правительственных средних учебных заведений. В школе этой имеется 4 общеобразовательных класса. Всего учащихся в школе - 191.

26-го марта с.г. состоялось Высочайшее утверждение устава и Пензенского художественного училища.

Приняты Академиею меры к приведению Одесской рисовальной школы в благоустроенное состояние. Для скорейшего преобразования её выдана ей Академиею субсидия в 13 597 руб.

Субсидий прочим рисовальным школам выдано: Воронежской - 500 руб., Томской - 200 р., Виленской - 1000 р.; ученической мастерской акад. Дмитриева-Кавказского - 2000 р. Даны бесплатно гипсовые слепки рисовальному классу Гольдבלата и рисовальной школе Блюма в Риге.

На художественную деятельность Академии в 1898 г. израсходовано 67 682 руб. 51 коп., кроме некоторых, ещё предстоящих расходов на содержание пенсионеров".

Вместо ушедшего из профессоров натурального класса К.В. Лебедева, утверждён в этом звании И.И. Творожников. На том же собрании выяснилось, что иногородние члены не успевают заранее ознакомиться с вопросами, подлежащими обсуждению. В этих видах предполагается устраивать накануне Общих собраний предварительные частные совещания.

На последнем академическом собрании приобретены для Русского музея Императора Александра III два портрета: 1) Императрицы Марии Фёдоровны, работы Крамского и 2) кн. Щербатовой, работы Ф. Соколова.

"Новости" передают беседу с одним членом Академии, который справедливо указал на неправильную организацию дела приобретения картин на выставках для Русского музея. Для такого приобретения картин "избирается комиссия из 15 лиц; каждый член этой комиссии делает самостоятельную оценку отдельным произведениям, затем вопрос о приобретении решается закрытою баллотировкою, после чего решение комиссии вносится на утверждение Общего собрания, которое и ассигнует необходимые средства. Так как вся эта процедура длится около месяца, то легко может случиться, что тем временем облюбованные комиссиею картины будут приобретены частными лицами... Комиссия должна быть снабжена полномочием приобретать картины. Так как, вместе с тем, увеличится ответственность членов комиссии, то следует избрать их в количестве 3-5 лиц, которым Академия безусловно доверяет".

Нельзя не сочувствовать такому мнению, кроме последнего пункта, - чрезмерное уменьшение числа членов комиссии вряд ли принесёт пользу делу, оно может сообщить ему ту или иную односторонность.

Тем же октябрьским Общим собранием Академии к сонму академиков сопричислен старинный участник передвижных выставок - Н.В. Неврин.

Теперь звание академика даётся по достижению известности. До сих пор, конечно, никто не имеет такого повода укорять Совет Академии в неправильном толковании этого загадочного пункта устава: все, удостоенные этого звания, были, очевидно, люди, действительно, выдающиеся, давно его заслужившие, но, в принципе, зависимость звания академика только от "известности" оказывается странным, и правила с подобным пунктом представляются чересчур растяжимыми. Отношение устава к делу - подобно отношению меха к вину, но желательно, чтобы предполагаемое вино было по возможности определённое. Как понимать известность? Когда наступает минута, приводящая человека в такое состояние?

"Меня, сударь, занимает вопрос, что собственно нужно разуметь под словом слава или известность?" - спрашивает у Чехова "Пассажир I класса".

Если, быть может, читали, - помните, какой ответ воспоследовал?

Уже всем известна последняя утрата для русского искусства - недавняя смерть талантливой художницы Елены Дмитриевны Поленовой. Сколько настоящий год принёс преждевременных смертей в художественном мире!

Искусство и художественная промышленность. 1898. Декабрь. № 3.

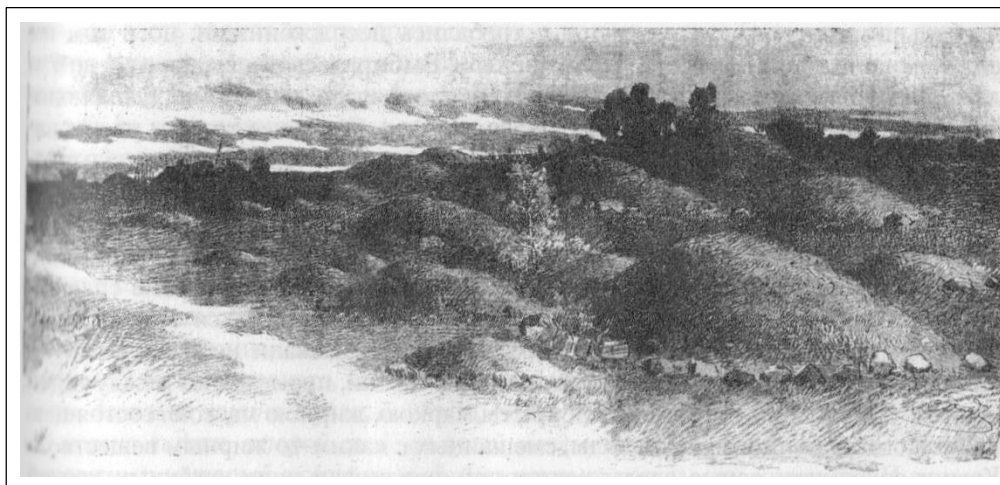
ХРОНИКА

РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

4-го ноября состоялось, под председательством С.Ф. Платонова, заседание Русского отделения Археологического общества. Н.К. Рерих прочитал реферат: "К вопросу о типах погребения в курганах Водской пятины"....

По поводу положений реферата А.А. Спицын заметил, что описанные г. Рерихом раскопки послужат к пересмотру имеющихся сведений о курганных погребениях в сидячем положении. Такие погребения в Петербургских курганах исследователями были относимы только к XI и XII вв. и, как теперь видно, без достаточного основания. Ясно, что к этому времени нельзя относить по аналогии и погребения в сидячем положении, обнаруженные уже на всём пространстве собственно-русских курганов. Находка г. Рериха приближает к решению вопрос об интересных и доселе загадочных курганах, раскопанных в 1872 г. в северо-западной части Витебской губ., близ имения Штирпяны, где тоже найдены костяки в сидячем положении, с монетами XV века: это - курганы русского обряда погребения...

Исторический вестник. 1898. № 12. С. 1239-1240.

Н.К. Рерих. Курганы XI-XII в.
Из книги А.А. Спицына «Курганы СПб. губ. в раскопках Л.К. Ивановского». 1896.

Н.К. Рерих. Землекопы. (На раскопках). 1890-е.

Н. Рерих

НА РАСКОПКЕ В ВОДСКОЙ ПЯТИНЕ (СПБ. ГУБ.)

(Наброски художника)

Кто хоть немного соприкасался с археологиею и хоть один раз побывал на раскопке, тому ведомо, насколько увлекательно это дело. Обычное по сему предмету острословие: «археология - мертвечина! Пыльная наука - археология! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Мумии!» - особенной остротой, боюсь не отличается.

- Помилуйте, - слышу, - это до России, пожалуй, не относится; у нас-то какая же археология, разве кроме степей? Хорошо и прилично говорить об археологии в Греции, в Италии, наконец, на нашем Юге и Востоке, а здешние меланхлены и гипербореи вряд ли оставили после себя что-либо занимательное!

- Да ведь всякая местность, мало-мальски пригодная для жилья, имеет свою археологию, будет ли это Киевская, Новгородская или Петербургская губерния...

- Что такое? Скажете, что и Петербургская губерния тоже даёт пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю говорить о раскопках в Помпее, Азии, в степях, на худой конец в Новгороде - всё-таки варяги там, что ли, но раскопка Петербургских курганов, да это даже не принято как-то! Точно на свалке сардинные коробки вырываете! Неужели и здесь что-нибудь может находиться? Пожалуй, одни шведские пуговицы, потерянные в Петровское время!

Действительно, зачастую древности С.-Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются в обиходе репутацией довольно сомнительной; всякий археологический памятник этой местности, о котором уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышение, относится ко времени шведских войн. Древние кресты Новгородского

типа, обильно встречаемые на полях - шведские. Курганы - шведские могилы; городища - «шведские шанцы». Словом, всё, несомненно, принадлежит древности, - всё шведское, хотя на самом деле вовсе не так.

Шведский, петровского времени, элемент играет самую последнюю роль среди древностей Водской Пятины (СПб. губ. тоже). Никто шведскими древностями этого периода не занимается и никакого интереса они представить не могут. И без них материала более чем достаточно, материала важного и поучительного. Главный контингент местных древностей составляют памятники от X до XV вв. Подробности древнерусского обряда погребения и анализ найденных в курганах предметов позволяют без большого колебания отнести эти древности к новгородским пограничным славянам. С севера давила на них Чудь и Ижора, финские племена, сидевшие на Неве и по Приладожью; на западе они граничили с Финскою Емью (эстами), на северо-западе с небольшим, родственным эстам и тавастам, племенем водью, давшим название всей Пятине. В настоящее время Водь и Воддьялайзет занимает небольшое число селений в районе Петергофского уезда.

Древности эстов разработаны довольно хорошо, как и вообще все остзейские. Памятники Ижоры известны в весьма скудном количестве; а водские древности пока ещё не установлены. Некоторые исследователи приписывают все местные древности вожанам, но в сущности тип водских погребений ещё не известен и может быть выяснен только новыми изысканиями. Водь - племя невеликое, никогда в истории не выступавшее в сильной роли. (В 1149 году отряд Еми в 1000 человек нападает на Водскую землю, и Водь может с ним справиться только при помощи новгородцев.)

Славянское соседство, кстати заметить, всегда оказывало на финнов сильное влияние, и притом влияние доброе, из летописи Генриха Латыша знаем, что когда священник Альбрандт был послан с дружиною и рыцарями в Ливонию с предложением народу принять святое крещение, то народ ливонский бросил жребий и спрашивал у своих богов, которая вера лучшая — псковская или латинская. Народ, очевидно, предпочёл псковскую, т. е. православную, и только из страха принимал крещение от западного духовенства.

Для полных заключений о С.-Петербургской губернии нужны ещё новые археологические изыскания, преимущественно в пределах Петергофского уезда; хотя цифра исследованных древних погребений СПб. губ. достигла солидных размеров и превышает 6000, но этим всё же нельзя ограничиться.¹

Среди местных исследователей первое место заслуженно принадлежит ныне покойному прозектору Военно-Медицинской Академии Л. К. Ивановскому, производившему раскопки от 1872 до 1892 г., остановленные его смертью.

Из других раскопок в СПб. губ. надо отметить раскопку Волховских сопкок, произведенную Н. Е. Бранденбургом. Волховские сопки - это древнейшие курганы края; время их, судя по найденным в них предметам, относится к IX и VIII вв. Самые большие сопки имеют в высоту 4 - 5 сажен. Затем в Лужском и Гдовском уездах производились раскопки г. Шмидтом, Мальмгреном, слушателями археологического института и некоторыми другими.

¹ А.А. Спицын. «Курганы СПб. губ. в раскопках Л.К. Ивановского». СПб., 1896 г. и мои рефераты в Императорском Русск. археологич. общ. «Раскопки последних лет в курганах Водской Пятины» (1896), «Раскопки 1897 г. в курганах СПб. губ.»; «Новые данные о курганах СПб. губ.» (1898), «К вопросу о типах погребения в СПб. губ.» (1898).

Находками отдельных вещей СПб. губ. пока не богата. А. А. Спицин указывает некоторые наиболее важные: в 1875 г. были найдены при д. Княжино, Ново-Ладожского уезда, вместе с сассанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI-IX вв., 3 серебряные монетные слитка. В начале нынешнего столетия был найден громаднейший клад арабских монет на берегу Ладожского озера. Куфические монеты VII-X вв. были находимы в Галерной гавани, в Старой и Новой Ладогге, около Ропши, и в некоторых других местах. В Старо-Ладожской крепости была найдена золотая куфическая монета 738 г.

Находки каменного века в СПб. губ. тоже не многочисленны и приурочиваются к побережью Ладожского озера² и долине р. Луги.

Местонахождение курганов, исследование которых, таким образом, представляет главную работу, находится конечно, в связи с местом древних поселений, в свою очередь обусловленным характером местности, изрезанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озёрами). Главные поселения, оставившие нам обильнейшие курганные поля довольно разнообразного содержания, были расположены на ровном суходоле между Царским Селом и Ямбургом; это плоскогорье проникает в долину р. Луги, соприкасается с песчаными лесистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходит верст на 10 - 20 до побережья Финского залива. Это в северной части губернии. В южной, более возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, немало удобных для поселения мест в системе озёр Вердуга, Сяберское, Черменецкое, Чернозерское и др.³

Состояние и внешний вид местных курганов не одинаковы. То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и орешником, многими сотнями сплошь унижают они десятки десятин, то небольшими группами (5-20), или одиноко маячат они посреди пашни; иной раз представляют они свежие, крепкие, словно вчера сложенные конусы до 2 саж. с высокой вершиной и правильной, резко обозначенной каменной обкладкой основания, в других же случаях вершина оказывается глубоко осевшею - сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же представляется только небольшим неправильным расплывшимся возвышением, так что работники отказываются разрывать его, уверяя, что это крот нарыл. Проезжая по деревням, нередко приходится ехать по каким-то еле приметным буграм, и только заезженное каменное кольцо основания напоминает об исчезнувшем кургане. Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Чёрная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившего рубить одну из них, напала «трясучка».

Почти возле каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганную группу, но, несмотря на их обилие, расспросить о них у местных крестьян подчас не легко — надо узнать излюбленные ими выражения; если вы вместо «старой кучи» спросите о кургане или бугре, то вас ни за что не поймут.

² Иностранцев. «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». СПб. 1882.

³ А. А. Спицин. «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» («Записки Импер. Русск. археолог. общ.»).

Однажды, вместо городка, я спросил городище - и от присутствия его немедленно отказались. Среди местных названий курганов особенно употребительны: сопка, каломище (финское *calm* - погребальный холм), старая куча, шведская могилка, бугор, гора, колониистское кладбище (если погребения без насыпи). Эсты укажут вам курганы, если спросите *vana aut*, старую могилу.

II

В мае, как засеются яровыми, можно приниматься за работу. Подаётся соответствующее прошение в Императорскую археологическую комиссию; в ответ на него получен открытый лист. Сбрасывается тесный городской костюм; извлекаются высокие сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка с острым концом — неперменного спутника археолога.

Прежде самой раскопки надо съездить на разведки, удостовериться в действительном присутствии памятника. Не полагаясь на сведения разных статистик, перекочёвываєте вы от деревни до деревни на «обывательских» конях с лыком подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякий камешек, исследуете подозрительные бугорочки, забираетесь в убогие архивы сельских церквей; подчас, ко всеобщему удовольствию, делаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификации. Местами вас встречают подозрительно:

- Никаких, ваше высокоблагородие, исстари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. Всё бы оно оказывало.

- Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи взять? Ни о каких древних вещах здесь и не слыхано.

Если же вы пришли по нраву, оказались «барином добрым», «душой-человеком», то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседников. Вечером, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественнонаучных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: «так зря болтают» или «бабы брешут», а потом, видя ваше серьёзное отношение, потечёт свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях-разбойниках.

Но не дай Бог попасть в руки книжного волостного писаря или словоохотливого попа; тут каждое дельное сведение придётся покупать ценою выслушивания бесконечных замысловатых повествований:

- По одну сторону речки-то полегло славянство, — гвардия, народ рослый, а по другую-то — мордва и черемисы. Черепа недавно ещё находили. А вот в Лохове не так давно были ступени плитные древнейшего храма языческого, а поблизости нашли сруб, из него разные предметы добывали. В настоящее время ступени выломаны на плиту, а сруб завален камнями - известно: дурак народ!

- Степи! Степи! - восклицает другой, - знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто, так и сотворил Господь Бог плешину на лоне земном? Извольте видеть этот пол? Вот окурков, вот крошки, вот лепешка изпод каблука, и везде пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу - ни окурков, ни грязи не бывало. Провожу ещё раз - крошки исчезли. Махнём в третий - и пыли не видно, разве где по щёлкам забралась — по овражкам кустики. Идут это по земле гуннские народы; идут ещё... готты, вандалы! Невесть кто идёт: и печенеги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щёт-

ки отполируют, выскребут на удивленье, - пылинки в щёлке не оставят, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра-земля. Многое, как говорится, не снилось мудрецам! Столько сокрыто в недрах земных; вот хоть бы сопки, что подле Заполья, на самих огородах, скажу, довольно достопримечательные, вещицы находили там очень фили... фили... как это говорится-то?

- Филиграновые или филистерские?

- Вот, вот именно!

- Да, занятное дело — старинное время, — повествует третий, — всё-то разгадать, всё-то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать — наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Извольте ли вы знать городок подле Селищенской деревни — ну, просто скажу, бугор, такой не малый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князек. Была дочка у него красавица. Красавица такая - теперь таких и не найдёшь! Известное дело, нонче какой народ пошёл - мозгляк! Прежде не то было - богатыри, что твой Илья Муромец. Только, не знаю с чего, возьми, заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Её похоронили знатно. Ведь и тогда, небось, франтихи были, что и теперь. А князёк-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, ещё ручей Черченом называется...

Повыудив, что можно дельного, изо всех подобных рассказов, вы приступаете к самой работе.

III

Грудой почерневшего леса и побурелой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Петухи перекликаются. Пастух затрубил - выгоняют скотину. В сеньях, слышно, вздувают самовар; кто-то пробежал босыми ногами. Староста - у него вы остановились - будит вас. Стёкла запотели - свежо на дворе. Зубы самовольно выстукивают что-то воинственное. Вы вздрагиваете - умываясь холодной водой. Народ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры — необходимые раскопные снаряды, - всё в исправности. Потянулась шумная гурьба к курганам, что раскинулись невдали от жилья. Небо без облачка. Из-за леса сверкает солнышко. Приятно бодрит студёный утренник.

Весело!

Из деревни много люду идёт за нами сами по себе - посмотреть. Авангард мальчишек на рысях далеко впереди. Не знаю, какое другое дело возбуждает такое же неподдельное любопытство, как раскопки и рассказы о древностях. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза - ничто не осилит его.

Пока идёт незанимательная работа вскрытия верхней части насыпи, говорит не переставая.

- Слышь, ты, тут шведское кладбище!

- Ну да, известно, не русское; русские так не хоронят.

- Дядя Фёдор, - толкает бойкая, задорная девка-копальщица, - здесь колонисты?

- Вот я те выкопаю колониста, в аккурате будешь!

- Чтой-то тут, испытание никак? - шамкает древний дед, пробираясь в толпе.

- Слышь, дедушко! Котёл нашли с золотом. Каждому мужику по 100 рублёв выдавать будут, а деду не дадут.

- Это дедке могилу копают, - толкает деда баловница девка, - и ложись, дедка, тут тебе и попоём!

- Эх, эх, и нас-то, поди, раскопают. Косточкам-то успокоиться не дадут!

- Так не найдёте, — советует пожилая баба, - в Сёмкине солдатский доктор бугры перекапывал, так у него живое серебро было. Наставит он его на могилу, оно побежит, побежит, да и станет, и где станет, там и копай. И всегда находили.

- Да что находили-то, дура баба, разве дельное. Одну только серебряную цепочку нашли!

В стороне слышится тихий разговор.

- В Красной одного сидячего нашли; рядом ложка чугунная положена и ножик. В головах-то горшок.

- Только поужинать собрался, а тут его и накрыли!

- В Хлебниковой даче мост оказался через Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, там война шла. Вот потопнуть-то можно...

- А вот мы, взаправду, чуть не потопли. Приходит ко мне это раз Васька Семёнов; слышь ты, говорит, нашёл я сопку у Вязовки, невдали от Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка, и огонёк по ней порхает. Клад — беспрременно. Собъём-ка артель, да раскопаем. Вдвоём-то неспособно: и сопка-то больше, в сажень казённую будет, да, пожалуй, и страхи пойдут. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и от речки недалеко. И насыпана она неспроста: кругом выложена камнем, сверху песок да земля; потом прутняк - уже перегной. За ним хвощ да гнила. Дерево сгоревшее и негорелое. Видим - уже грунт показался. Васька щупом хватил вниз - слышит грох - дерево, значит. Хватил правее - звякнуло что-то, значит, близко. Свечерело уже. Только смотрю я, сочится с боков вода и снизу точно проступает. Васька и Фёдор нагнулись, руками щупают, — нащупали дерево, тянут наверх - не идёт, будто держит его. Ещё потянули, глядят — старая-престарая доска - сопревши вся. И хлынула из-под той самой доски вода. Ключ открылся; пошла садить; уж не то, что клад — сами-то рады из ямы выбраться. Ударишь щупом - звякает что-то, котёл, что ли!

- Так и не допустила вода?

- Ещё бы тебе допустить! Оно ведь тоже заклатье какое положено! Вот в Берёзовском пруде золотая карета⁴ да 5 стволов золота опущено, старики в ясные дни ещё видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всем знатко, а не взять, потому заклатье, зарок.

- А вот Петра из Красной, тот так взял клад.

- Поди ты, взял, брешет твой Петра; может, он и нашёл чугунный старый, что пастухи бросили, да только...

- Да что только-то, ведь не сам он, а дельные люди сказывают, что и впрямь взял.

⁴ Предание о золотой карете обще всей местности. Очевидно, как предания о вольнице повлияли на Поволжье в смысле зарытых лодок с золотом, так присутствие высоких особ дало повод к розыскам золотой кареты.

- Пуще разбогател Петра, как и не у нас грешное тело из локтей смотрит. Богатей!

- Впрок ему не пошло, значит — зароку не знал.

- Господин, евося, будто косточка под лопатой оказывает, — докладывает один из копальщиков.

Спускаюсь в яму. Пахнуло свежерытой землей; посвежело после припека, — солнце уже высоко. Действительно, из-под лопаты торчит жёлто-бурая берцовая кость; торчит среди такого же точно песка, как и вся масса насыпи, словно бы она всегда была только костью без верхних покровов.

Кость вполне определила положение костяка. Работа пошла осторожней. Обнаружились руки, сложенные у лонного соединения. Предплечье окислилось, позеленело - признак близости бронзы, которая и оказывается в согнувшейся тонкой, витой браслетке.

- Бруслетка! Смотри-ка, эка штучка-то аккуратная! Тоже изделие! — проносится среди любопытных, и, давя друг друга, вся ватага устремляется к кургану, жмётся к вершине.

В яме потемнело. Зола, на которой лежат кости, кажется синее: строже глядит череп земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далеко отвалилась с осевшей землею в сторону. По бокам черепа показались височные кольца добрых вершка два по диаметру.

(Окончание следует.)

Новое время. 1899. 15/27 июня. № 8367.

Н. Рерих

**НА РАСКОПКЕ В ВОДСКОЙ ПЯТИНЕ (СПБ. ГУБ.)
(Наброски художника)**

**IV
Раскопки продолжаются**

Летят комки земли. Мужские костяки чередуются с женскими. Долихокефальные черепа сменяются брахи-кефальными. Вместо копий, топоров, мечей, ножей, умбонов, щитов, являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцветные бусы, остатки кос. Полное трупосожжение уступает место погребению в сидячем положении. Высокие курганы заменяются жальничными клетками (погребение в могиле без насыпи). Разнообразие нескончаемое!

Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче развертываются чудесные картины.

Словно бы синей становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливается вверху жаворонок. Привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями, со зверьем — с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводья и мочежины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долблё-

ные челны. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей.

У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может, ватмалом⁵. На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе всё хозяйство — гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой — завозной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей⁶. На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит.

На предплечье изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7 - 8 веков пролежать им в земле нипочем. А зубы-то, зубы - крепкие, ровные.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего - разделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, — таким обручем и уши прорвёшь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две — три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные: медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их не мало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зелёная, лиловая и жёлтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров - и не перечесть все веденецкие изделия. Ещё есть красивые подвески для ожерелий - лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки - страшные с разинутой пастью, излюбленные уточки, вedomые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку.

На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посередине его посажен покойник; голова бессильно ушла в

⁵ Ткань, которой торговали испанцы XII века.

⁶ Скандинавского типа.

плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи всё выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой — костёр выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма.

Загудела протяжная, тоскливая погребальная песня. Отпрянул в сторону ворон, зачуйвший смрад горелого мяса. Важно и чинно уселись кругом именитые родичи, понурился на посохи седые головы. За ними столпились другие, пока весь костёр не обратится в кучу углей и золы с чёрными пятнами жира в середине. Тогда заработают заступы, понесут землю и пригоршнями, и подолами. Втроём, вчетвером покатают к кострищу немалые валуны гранитные; их много по окрестной равнине, серые, бурые, красноватые, всяких размеров — дары Силурийского моря. Обровняли края кострища, чтобы представляло оно довольно правильный круг. В былых ногах и головах ушедшего к предкам, ставшего чуром блаженным, кладутся особо большие дикие камни, и приходятся они всегда на восход и закат, ибо лицо умершего всегда обращалось в священную сторону, откуда весело кажется миру вечный могучий ярило — красное солнышко, от него идут блага тепла, а с ним плодородия.

Быстро растёт возвышение; насыпь сыплют не из разной, какой попало, земли, с кореньями, с сорными травами, а из чистого песка или плотного суглинка. Если же захотят на вечные века сохранить память о родиче — не поленятся весь погребальный холм сложить из дерновой земли. Наносят воды из соседней реки, смочат его, так уплотнят, словно бы чувствуют, что когда-то чужие ломы и кирки будут добираться до родного праха. Но дерновая насыпь может постоять за себя; вместо широкой реки с ярами и обрывами, чуть приметная сухая ложбинка; свалился старик бор, а насыпь всё победно держит высокую вершину, будто чур ходит за ней, бережёт её⁷.

Сложили насыпь, аршина в два вышиной. Довольно. Пеплом ещё засыпали, принесли его с собой из дому; от родного очага не отлучился бы чур-домовой. Сверху ещё землей забросали, выровняли правильный конус, поправили валуны в основании, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругом, разок посмотрели. Готово!

В почерневшее вечернее небо, в косматые облака опять понеслись струи бурого дыма; заблестели яркие точки костров. Идёт тризна. Заколот козлёнок, над огнём медные котлы повешены. Поминают родича и досидят, пожалуй, пока и месяц из-за леса глянет и светом своим заспорит с кровавым пламенем. Страшней и мохнатей кажутся волосатые лица, жиром блестящие бороды, губы и мускулистые руки. Звенят о кости ножи, брякают черепки горшков, — опять, теперь в ночной тишине, вдаль потекла поминальная песня.

Блестит заходящий месяц на рукояти меча, сверкает на бусах и гривнах; мутными пятнами рисуются белые рубахи уходящих домой поминальщиков. Не умрёт добрая слава покойного! Где же ей помереть? Велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна; не забудут досыпать осевшую

⁷ Насыпи, сложенные из дерновой земли, отличаются удивительной прочностью. Каждый ком земли приходится брать энергичным ударом лома. Дерновая земля чаще встречается в волховских курганах. Суглинок тоже довольно стойко держится.

насыпь! Реют, неслышно спускаются на остатки еды, на козлиные кости вещи вороны, и они справят тризну.

V

Из-под облака всё видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащей, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы, - песчаные и глинистые оползни! В речку впадает студёный ручей, тоже не маленький. Слились они, с двух сторон, охватили вплотную продолговатый холм, высота его по откосу сажени 4 - 5. В редком месте природа создаёт такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой, рвом - землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых бревен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу! По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку — смотреть и наблюдать за вражьими силами, или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажжённой соломой, окрестность оповестить об опасности. Город - место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать; город пал! Помнил это ворон — пировал он тут сыто.

Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а все посещались давние излюбленные места⁸.

И клады знакомы воронам! Не найдешь их, коли тебе неведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают наказы о кладах не только вороны, но и многие старые люди, а кладов все не найдут. Верно. Положен на них кровавый зарок⁹.

Видели вороны и дубы старинные, развесистые; собираются под ними окрестные люди вершить мирские дела; собираются и в праздники: сидят старики на могучих корнях. Молодёжь ведёт хороводы, в лес, за ближнее озеро несётся:

Ой, дид, ладо...

Под Ивана Купалу ярко горит здесь купальский огонь, прыгают через него парами; освещает огонь эти пары на вечный союз. Исконный обычай¹⁰.

⁸ Схема описания городка взята с натуры. В Царскосельском уезде существует именно такой городок. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженного оборонительного сооружения, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лесом, оказалось только несколько грубо сложенных очагов. Следов жилищ вовсе не найдено. По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине 1/4 арш. — 1/2 арш. находится обильный уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что «тут что-то было», «собирались молиться».

⁹ Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с натуры.

¹⁰ В Царскосельском уезде указывают места, где, по преданию, некогда стоял огромный дуб, под который собирались из местных поселений. Место красивое, высокое; невдалеке озе-

Ещё известны предания о провалившихся церквах, о землянках разбойников; в погосте Грызове, Царскосельского уезда, рассказывают, что основание существующей церкви положено Петром Великим, после какой-то стычки, собственноручно поставившим на этом месте деревянный крест. Как видно, и прозаическая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасных памятниках екатерининского и александровского времени.

VI

Возвращаясь к курганам, нельзя не заметить, что в них особенно ярко отличаются два периода. Первый — XI -XII вв.; второй — XIII и XIV. Первый период характеризуется полным трупосожжением или погребением несожжённого костяка в сидячем положении, причём подробности погребения мы уже видели.

В верхней части насыпи встречаются последовательные слои золы, иногда перемешанной с костями жертвенных животных; неизвестно, следы ли это погребального обычая, требовавшего переслойки золою насыпи во время самого её устройства, или же это остатки тризны. Если только это следы тризн, то первоначальная величина насыпи со временем сильно выростала благодаря насыпанию свежей земли над золою. Насыпи с полным трупосожжением доходят до нас в виде полушаровидных, очень расплывшихся возвышений, со втянувшимися внутрь валунами основания. Погребение в сидячем положении даёт довольно хорошо сохранившийся курган, но с осевшей вершиной, опустившейся при оседании костей.

Второй период (XIII и XIV вв.) характеризуется перемещением трупа в сидячем или лежачем положении в неглубокой грунтовой могиле. Чтобы сохранить для погребяемого требуемое обычаем положение, рыли небольшую овальной формы яму такого размера, чтобы труп мог поместиться в ней сидя, или складывали соответственную кучу камней, для этой же цели служили иногда и деревянные плахи. Труп забрасывался вынутой из ямы землёй и песком, после чего образовавшееся небольшое возвышение посыпалось остатками поминок и углей, затем воздвигалась насыпь с каменным кольцом в основании, причём на В. и З. (в головах и ногах) помещались валуны особо большой величины. К этому же периоду должны относиться погребения выше материка и погребения в лежачем положении на поверхности земли, причём зольный слой основания перерождается в две зольные кучки по бокам головы. На верху курганов, описанных типов второго периода, нередко были поставлены каменные четырёхконечные кресты так называемой новгородской формы.

В группах курганов XIII и XIV вв. встречаются погребения в грунтовых могилках без верхних насыпей; в ямах, окаймленных по краю линией валунов.

ро, судя по берегам, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором от них расстоянии найдены груды золы, толщиной до 1/2 арш. — места старинных костров. В золе оказались черепки горшков, если не соответствующих таковым от XII века, то всё же далеко не современного строя. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хороводы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!

Несомненно, что подобные каменные могилы (или, как их называет народ, могилы), есть перерождённые курганы.

Сделанные описания представляют собою только грубую схему, на деле же встречается разнообразие удивительное. Живо представляешь себе заботливые попечения родичей об умерших. Одни стараются отметить прах его особо великими валунами; другие выкладывают всю поверхность насыпи мелким булыжником, третьи, устраивая курган, сажают покойного на чурбан и подпирают его досками. Яркую картину рисует указанное Ивановским погребение, где рядом с мужским костяком оказался женский, на черепе которого была огромная рана, нанесённая топором, или встреченный мною случай, в котором мужской череп, покрытый старыми боевыми рубцами, был просечён, а по правую руку помещался женский костяк.

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!

Предметы, найденные в курганах, мало отличаются от соседних земель, прибалтийских местностей в особенности, техникою, формой или разнообразием типов; однако мы видим живой обмен и можем установить существование промыслов.

Кроме вышеотмеченных предметов, надо упомянуть ещё несколько подчеркивающих характер древнего обихода XI, XII вв. Пуговицы очень редки и все имеют обыкновенный тип, грушевидный с ушком. Пряслицы из красного шифера; по форме и материалу они совершенно тождественны с таковыми изделиями курганов Днепровского бассейна. Вески, начиная с X века, попадают на широком пространстве.

В смысле окрестных аналогий, такой же обряд погребения, как и в Петербургской губернии, встречен в Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и некоторых других губерниях. Из древностей, известных в Северной и Средней России, предметы, найденные в курганах Водской Пятины, имеют близкое отношение к находкам, обнаруженным в курганах Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губерний. Нельзя не изумляться обильному присутствию древностей эстов, ливов, куров, чуди приладожской и финляндской, а также элементам восточному и скандинавскому.

В Новгородской области, с Поморья, вдоль берегов Балтийских губерний, по Волхову и Ильменю, шёл великий водный путь торговый, путь дружин из «Варяг» в «Греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и приток с севера культуры скандинавской, становится ясным разнообразие культурных влияний и области новгородских славян, пожалуй, не уступающих в этом отношении югу, так что однообразного состава и единоплеменного происхождения нельзя и искать среди предметов из курганных насыпей С.-Петербургской губернии, исследование которых ещё никак нельзя считать законченным; теперь остаётся детальная работа, выработка мелочей, усиливающих общую картину.

VII

От кургана до кургана, от группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, те же прибаутки и шуточки. Солнопёк сменяется прохладным дождиком. Чаще шумит ветер, дорога начинает бухнуть и киснуть; листья желтеют, облака висят над горизонтом сизыми горами - осень чувствуется.

Лучшая пора для раскопки май, июнь до Иванова дня, до покоса, и затем август, после посева, и часть сентября.

Похудели тюбики красок, распухли альбомы и связки этюдов, наполнился дневник всякими заметками, описаниями раскопок, преданиями, поверьями; может быть, и песня старинная в дневнике записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный солдатский и фабричный лад. Там же помянуто добрым словом фарисейство какого-нибудь представителя местной администрации в смысле охранения памятников старины; отмечено и разрушение интересных могильников при прокладке дороги. Много всякого материала, вырастают картины, складываются образы. Пора к дому!

После чистого воздуха окунулись вы в пыльное купе вагона; едкий дым рвётся в окошко; фонари и пепельницы выстукивают какие-то прескверные мотивы. Не веселят ни господин в лощёном цилиндре с удивительно приподнятым усом, ни анемичная барышня в огромной шляпе, украшенной ярким венником.

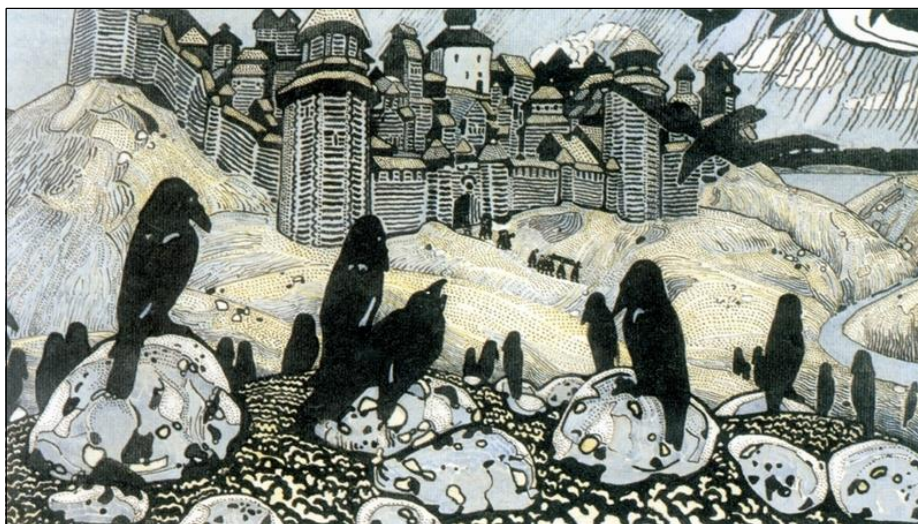
Тоскливое чувство пробирается в сердце.

Если существует ряд предметов, позволяющих нам хоть на минуту вынырнуть из омута обихода, заглянуть подальше палат и повыше гигантских фабричных труб, то археология не может не иметь места в подобном ряду.

1898

Новое время. 1899. 16/28 июня. № 8368.

[См. также: Н.К. Рерих. Книга первая. Изд. И.Д. Сытина. Москва 1914. Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/521, л. 12-24. (сигнальный экземпляр книги)]

Н.К. Рерих. Вороны. 1901.

«Из-под облака всё видит ворон; смотрит вверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре...»